

УДК: 17.026, 172

ДОВЕРИЕ КАК МОРАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Пороховская Т. И.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: 632712@mail.ru

Доверие традиционно рассматривалось философской этикой и теологией: изучались природа доверия, источники и факторы доверия, социальные механизмы, обеспечивающие доверие. Однако с конца XX в. феномен доверия начинает привлекать внимание экономистов, социологов и управленцев, которые подходят к изучению доверия по-другому и чаще всего в отрыве от философско-этической традиции исследований этого явления. Уточняется понятие доверия, роль доверия в различных сферах общественной жизни, типы доверия, изучают уровни и масштаб доверия и т. д. Но главное отличие современных исследований доверия – в том, что речь идет, прежде всего, о системном доверии, выделение которого связывают с именем Никласа Лумана. Если доверие на микроуровне – это характеристика межличностных отношений, то доверие на макроуровне – это обобщенная характеристика более абстрактных, анонимных отношений. Задача данного исследования – систематизировать основные результаты исследований феномена доверия в социальной теории (Н. Луман, А. Селигмен, Э. Гидденс) и раскрыть социально-нравственные основания доверия.

Ключевые слова: вера, доверие, уверенность, мораль, ответственность, институты.

Тема доверия – традиционная для философии, ее не обошли своим вниманием такие ведущие современные философы, как Н. Луман, Э. Гидденс, Б. Барбер и др. С конца XX в. к изучению феномена доверия подключаются экономисты, социологи, политики. При этом внимание сосредоточивается, прежде всего, на системном доверии, выделение которого связывают с именем Никласа Лумана. Разграничение доверия на микро- и макроуровнях Н. Луман проводил уже в своей ранней работе по теме доверия «Доверие и власть»¹, вышедшей на немецком языке в 1968 г. Доверие на микроуровне – это характеристика связи между индивидами, тогда как доверие на макроуровне, по Луману, – это доверие в обществе вообще, обобщенная характеристика более абстрактных, анонимных отношений.

Межличностное доверие Н. Луман определял как эмоциональную связь между индивидами как взаимное, двустороннее отношение, если речь идет о доверии с обеих сторон, или как одностороннее отношение, нравственно-психологическую установку индивида, которая зависит от многих обстоятельств, в том числе и от индивидуальных свойств личности, таких как доверчивость или недоверчивость.

¹ Luhmann N. Trust and Power. Chichester: John Wiley and Sons Inc., 1979, 208 p. (Перевод работы: Luhmann N. Vertrauen – ein Mechanismus der Reduktion sozialer Komplexität. Enke, Stuttgart 1968).

Доверие как нравственно-психологическая установка – это обобщенное ожидание от контрагента справедливости в действиях, выполнения им взятых на себя обязательств: мы не знаем наверняка, как намерен поступить другой человек, но предполагаем, что, скорее всего, он поступит так, как и должен в этих случаях поступать человек. Однако несмотря на то, что нормы поведения в обществе всем известны, у нас нет оснований с уверенностью ожидать требуемого нормами поведения. Неопределенность усугубляется еще и тем, что взаимодействию присуща двойная контингентность²: не только одна сторона взаимодействия не имеет полной информации о намерениях партнера, но и «с другой стороны взаимодействия имеет место то же самое» [6, с. 157]. В условиях неполноты информации о намерениях партнера по общению доверие становится основанием для вступления во взаимодействие. Потребность в доверии, таким образом, Луман объясняет онтологической свободой человека, а доверие к личностям определяет, соответственно, ожиданием того, что человек не воспользуется своей свободой в ущерб другому [12, с. 39]. И потому доверие балансирует между верой и неуверенностью, оно всегда в некотором смысле слепое. Однако в отдельных случаях мы вынуждены вступать во взаимоотношения с людьми, которым скорее не доверяем, чем доверяем. «Недоверие, – пишет Н. Луман, – является более ограниченной (но все-таки расширяющей) стратегией. На риск идут, если предусмотрели все случайности, например, когда располагают санкциями или надежно застрахованы от ущерба» [6, с. 182].

А. Селигмен в книге «Проблема доверия» (1997) [9] межличностное доверие связывает с уязвимостью, исходной неопределенностью, обусловленной неведением в отношении мотивов и намерений контрагента. Доверие, пишет Селигмен, вовлекает человека в отношение, где действия, характер или намерения другого не могут быть удостоверены. Доверие – это вера в то, что другой будет благоприятствовать нашим интересам или по крайней мере поступать нейтрально по отношению к ним. Доверие – это и средство смягчения риска, «смазка» отношений, но также и содержит в себе риск. В этом смысле доверие является противоположностью уверенности. А. Селигмен дает социологическую интерпретацию доверия: доверие зарождается в зазорах системы, входит в социальные отношения, «когда по той или иной причине системно определенные ролевые ожидания больше не жизнеспособны» [9, с. 21]. Замена веры доверием, по его мнению, была связана с процессом секуляризации и заменой божественных атрибутов человеческими. «Тема доверия, – пишет А. Селигмен, – возникает там, где имеет место ориентация существующих представлений о морали на эгоцентричные поступки занятого рыночным обменом индивида» [9, с. 101]. Доверие оказывается важным коммерческим принципом, принципом социального сосуществования «джентльменов». Всем известны такого рода гарантии, как «слово русского купца» или «техасское рукопожатие», которые держатся только на устных

² Н. Луман заимствует термин Т. Парсонса. См.: Парсонс Т. К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук // Парсонс Т. О структуре социального действия. Пер. с англ. М., 2002. – С. 436–437; Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. Пер. с нем. СПб.: Наука, 2007. – С. 151–192.

моральных обязательствах. Соответственно, недоверие основывается на предположении, что партнер намерен действовать эгоистично, корыстно, заботясь, прежде всего, о собственной выгоде, о своих интересах. Такое подозрение побуждает человека держать дистанцию, быть бдительным и осторожным, чтобы снизить степень возможной опасности, риска. Цена подобной осторожности – сужение спектра вариантов выбора решений, потеря благоприятных возможностей в том случае, если опасения оказались беспочвенными. Масштаб доверия зависит также от личностных свойств индивида (доверчив он или подозрителен и осторожен), от нормативных ожиданий группы, к которой он принадлежит, от укоренившихся в культуре стереотипов и предрассудков и др.

Доверие на макроуровне – это системное, обобщенное доверие. Н. Луман связывает обобщенное доверие с эффективной работой бюрократических систем. На этом уровне доверие опирается уже не на личность, а на законы, институты. Насколько в целом можно доверять в данном обществе людям и институтам, не исчезнет ли, например, страховая компания или банк, куда вы вложили свои деньги, – все это зависит от того, насколько надежно работают институты. Поэтому доверие на этом – агрегированном – уровне обеспечивается хорошей работой бюрократических систем: административной, правовой, политической.

А. Селигмен полагает, что если в межличностных отношениях мы можем говорить о доверии или недоверии, то неверно говорить о доверии или недоверии по отношению к системам: участие в таких системах, как политика, экономика, считает он, требует уверенности, а не доверия. А. Селигмен также замечает, что межличностное доверие и доверие к институтам по своей природе различны. Доверие как индивидуальное психологическое состояние всегда содержит в себе ту или иную долю неуверенности: невозможно до конца отдать себе отчет в том, на чем основано обобщенное ожидание, что другой исполнит свои обещания и обязательства. Однако если речь идет об институтах, то они прозрачны, мы хорошо их знаем, знаем, как они работают, – здесь следует говорить об уверенности или неуверенности, а не о доверии. Позже и Луман стал говорить об уверенности применительно к институтам.

У Э. Гидденса [4] доверие к системам опирается на веру в правильность неизвестных нам принципов: оно вытекает из этой веры, однако не тождественно ей. Одной из фундаментальных особенностей современного общества Э. Гидденс считает отделение пространства от места, в результате чего акты социального взаимодействия высвобождаются из «локальных контекстов». Однако благодаря символическим знаковым системам (деньги и др.) и распространению экспертных систем (систем технического исполнения и профессиональной экспертизы) становится возможным взаимодействие с теми, кто в данный момент физически отсутствует. Оба механизма «высвобождения» – символические знаковые системы и экспертные системы, – по Гидденсу, основываются на доверии к этим системам (например на вере в то, что и другие будут приписывать денежным знакам ту же стоимость или так же доверять экспертизе). Если доверие к индивидам вытекает из нашего знания близких или знакомых, из опыта непосредственного общения с ними или основывается на их репутации, то доверие в дистанционном взаимодействии

вытекает из безличных обязательств: здесь доверием облакаются не конкретные люди, а, прежде всего, абстрактные системы. Функционирование финансовой, правовой и других социальных систем предполагает доверие к ним, а доверять мы вынуждены, поскольку не обладаем полнотой информации в этих сферах. Вера в абстрактные принципы (научные и технические знания), в которых обычный человек, как правило, не разбирается, поддерживается благодаря экспертным системам, которым большинство доверяют. Доверие к системам, по Гидденсу, связано не с риском, а со случайностью. Доверяющий человек становится заложником жребия, судьбы: в целом система работает устойчиво, но, поскольку сбои в любой сложной системе неизбежны, лично ему может и не повезти. В связи с этим появляется новое понятие безопасности и допустимого риска: под безопасностью понимается ситуация, в которой определенное множество опасностей нейтрализовано или минимизировано. Понятие допустимого риска играет основную роль в поддержании доверия к системам, а стереотипные формы риска становятся институтами. Подобное мышление, пишет Гидденс, становится возможным, когда на смену объяснительному принципу религиозной причинности приходит принцип природной причинности, а вместе с ним основанная на практике уверенность в правильности абстрактных научных принципов и идея вероятности.

Феномен доверия фиксируется уже в древних текстах. На основе изучения этимологии термина «доверие» Эмиль Бенвенист приходит к выводу, что «“оказывать доверие” значит отдавать свое доверие в залог, но с последующим возвратом» [2, с. 127]. Он обращает внимание на сходство структуры этого понятия в контексте самых разных религий: «Речь идет о ситуации конфликта между богами, в котором принимают участие и люди, поддерживая ту или иную сторону. Участвуя в этом конфликте, люди отдают частицу самих себя, что придает силы тому богу, которого они решили поддержать; однако при этом они всегда имеют в виду и ответные действия, ожидая от бога вознаграждения. Такова, по-видимому, основа мирского понятия “доверие” – вера независимо от того, что доверяется» [2, с. 127–128]. Таким образом, отмечает Э. Бенвенист, понятие веры шире понятия «доверие»: «Акт веры всегда включает в себе уверенность в вознаграждении: посвящение себя богу совершается для того, чтобы извлечь выгоду из того, что отдается в заклад» [2, с. 127]. Сначала доверие – это особая связь между людьми и богами, а затем уже и между самими людьми.

Таким образом, тема доверия в той или иной форме всегда присутствовала в религиозной вере, теологии и философии. Однако почему именно сейчас тема доверия приобрела такое звучание в общественных науках? Адам Селигмен справедливо указывает, что это связано с завоеванием неолиберализмом лидирующих позиций в общественном сознании и, соответственно, с изменением подхода к рассмотрению общественных проблем: системный подход к обществу был вытеснен подходом с точки зрения отдельного индивида. Селигмен пишет: «...и это, возможно, самое главное – определения доверия в западных индустриальных и “современных” обществах коренятся в идее индивида как носителя прав и ценностей в последней инстанции» [9, с. 8]. Доверие, считает он, является аспектом более фундаментальной проблемы солидарности. «Наличие доверия (trust), – пишет

А. Селигмен, – является существенным компонентом всех устойчивых общественных отношений. <...> Данная интуиция легла в основу одного из фундаментальных понятий социологии и социологического анализа» [9, с. 7]. Важным шагом в систематической разработке проблемы доверия Селигмен считает идею Э. Дюркгейма о «договорном» элементе в общественных отношениях. «В самом деле начиная с XIX века, – пишет Селигмен, – со времени теоретических прозрений Эмиля Дюркгейма о существовании “договорного” элемента во всех общественных установлениях, важность доверия для существования общества была признана многими исследователями общественной жизни» [9, с. 7–8]. «Договорными» началами Дюркгейм называет моральные нормы, которые, не будучи сами предметом договора, управляют его исполнением. Любой взрослый человек знает, что трудиться надо честно и добросовестно, что следует исполнять свои обязательства и обещания, поэтому эти требования, как правило, не входят в условия соглашения, однако являются предпосылкой его выполнения.

Об обязательности исполнения обещаний и соглашений как предпосылке доверия и необходимом условии сосуществования в рамках сообщества писали Г. Гроций, Дж. Локк, Д. Юм, И. Кант и др. Неслучайно и Данте Алигьери в своей «Божественной комедии» в последний, девятый, круг ада поместил предателей. Предательство самым радикальным образом подрывает межличностное доверие, это грех дьявольский, а из всех типов предателей – предателей родных, предателей родины, предателей друзей и предателей своих благодетелей – грех последних, по убеждению Данте, – самый тяжкий. Такое место предательства в иерархии антиценностей А. Л. Доброхотов объясняет следующим образом: «Духовный союз – самая хрупкая и беззащитная из всех возможных связей, но и самый высокий тип связи, так как он основан на свободной воле, выборе и вере, на самых существенных свойствах человека» [5, с. 110].

Ханна Арентс в философской работе о человеческой деятельности «Vita activa, или О деятельной жизни» (1960) [1, с. 314–316] специально подчеркивает роль обещаний в совместной человеческой деятельности. Посредством обещаний, способности давать и сдерживать их, пишет она, человек внедряется в еще не наступившее будущее, снижает его неопределенность и непредсказуемость, создавая в нем «островки безопасности». Мы включаем обещания друг друга в свои планы, опираясь на них как на то, что реально существует, и тем самым вторгаемся в будущее, которого еще нет, и обустроиваем его по-своему. Прощение и обещания, пишет Х. Арентс, свидетельствуют о чудовищности человеческой мощи. Прощение освобождает человека от прошлого (вопреки утверждению древних о том, что нельзя бывшее сделать не бывшим). Обещания же Х. Арентс называет еще спасательными кругами, которые мы бросаем друг другу в будущее, – они снижают неопределенность еще не наступившего будущего. Неслучайно и Ф. Ницше определял человека как «животное, смеющее обещать», – т. е. не только дающее обещания, но и способное взять на себя ответственность за их исполнение и выполнить их.

В работе «К генеалогии морали» Ф. Ницше пишет, что существуют базовые моральные нормы («пять-шесть “не хочу”»), без которых невозможно

сосуществование людей в социуме и которые потому самым жестоким образом вколачивались в память человечества. И. Кант в «Метафизике нравов» эти нормы называет общими. Общие нормы, ставшие долгом, обязанностями человека (Кант называет их общими, строгими, или совершенными), – это обязанности, без которых общество не может функционировать как целое. Они направлены на сохранение кооперации и включают те запреты и дозволения, которые создают предпосылки для сотрудничества («не лги», «будь честен», «не воруй», «не убивай» и др.). Это – моральный минимум для любого человека в обществе, без них никакое систематическое взаимодействие между людьми невозможно.

Английский философ Майкл Оукшот считает, что моральные требования складываются в коммуникации, в непосредственном коллективном опыте человеческих отношений. Они, по его мнению, способны регулировать отношения между людьми, даже будучи не до конца осознанными, функционируя как сложившиеся в практике формы взаимодействий между людьми. И лишь затем оптимальные модели взаимоотношений обобщаются и формулируются в виде требований («не лги», «не воруй», «не убивай», «выполняй обещанное», «заботься о слабых» и др.). Эти нормы могут поддерживаться внешним образом, наказаниями за их нарушение и заботой человека о своей репутации. Однако самым надежным и самым глубоким основанием моральных поступков человека являются не эти внешние правила, не репутация и даже не чувство долга, а самоуважение и чувство собственного достоинства [7, с. 114]. Об этом же писал и Кант. Чувство собственного достоинства формируется при сравнении себя с другими людьми, под влиянием коллективного, общественного мнения, поддерживающего мораль. Однако у морально зрелого человека оно автономизируется, освобождается от зависимости от чужого мнения, и в результате мотив поступать так, чтобы в дальнейшем не испытывать угрызений совести, чтобы иметь основания и впредь уважать себя, оказывается сильнее страха потерять расположение окружающих, подорвать свою репутацию в группе. Когда мы доверяем человеку, мы рассчитываем, что он будет следовать моральным нормам, а морально надежным называют человека, чьи нравственные убеждения не зависят от внешних влияний. Мораль, таким образом, служит системой гарантий, само наличие поддерживаемых общественным мнением универсальных моральных требований служит основанием для доверия в межличностных отношениях.

На то, что мораль по своим функциям выходит далеко за рамки межличностных отношений, обратил внимание Гегель. «Человеку оказывают доверие, – писал Гегель, – когда уверены в его готовности заниматься с чистой совестью моим делом как своим, прилагая к этому все свое знание. Следовательно, принцип единичной субъективной воли отпадает, так как доверие относится к сути, к принципам человека, его поведению, его действиям, его конкретному пониманию вообще» [3, с. 348]. Готовность заниматься чужим делом как своим собственным – это не дело субъективной воли, поясняет Гегель, – это дело принципа. Здесь он делает отсылку к социальному источнику моральной императивности: посредством исполнения людьми своих социальных ролей поддерживается определенный общественный порядок. Однако помимо исполнения людьми своих функций, того, *что* нужно

делать, существует и другая сторона деятельности – *как, каким образом* относиться к исполнению этих функций: «спустя рукава» «отбивать номер» или заниматься своим делом «с чистой совестью». «С чистой совестью» – значит, следуя моральным требованиям, «заниматься чужим делом как своим собственным». Нравственность, таким образом, ограничивает индивидуальный эгоизм, ориентирует, как пишет Гегель, относиться к другому как к самому себе, тем самым является гарантом доверия между людьми. Таким же гарантом обобщенного доверия являются надежно работающие бюрократические, экспертные структуры. Впрочем, в деловых отношениях только лишь моральных гарантий в большинстве случаев недостаточно. Предприниматель, заключая контракт, может пойти на риск, так как знает, что в случае нарушения этого контракта партнером он может обратиться в арбитражный суд.

Доверие является одним из аспектов более фундаментальной проблемы общественной солидарности. Солидарность – это некоторое воображаемое состояние отношений в сообществе, принцип солидарности выражает потребность во внутренней сплоченности группы. Но солидарность, замечает немецкий философ Бернхард Сутор [10, с. 103], – это структурный принцип, а структурные принципы, такие, как гармония, солидарность, не могут быть непосредственными целями. Это стратегические, постоянные цели (регулятивные идеи, по Канту), которые, как маяки, освещают поле поиска решений. А такой принцип, как справедливость, пишет Б. Сутор, является важнейшей целевой ценностью, он обеспечивает социальный мир и удовлетворение законных интересов каждого и тем самым способствует солидарности. Поэтому именно справедливость в сообществе должна быть непосредственной целью, когда мы мечтаем о солидарности в нем. Аналогично и с доверием: доверие (недоверие) – всего лишь симптом, функция более глубоких отношений в обществе.

Таким образом, тема доверия – это особый ракурс рассмотрения многих уже известных проблем, таких, как солидарность, справедливость, взаимность, легитимация и др., – рассмотрение их с точки зрения индивида. Концептуализация доверия, несомненно, позволила расширить представление о человеке, аналитически выделить понятие доверия и уточнить его соотношение с другими близкими понятиями («вера», «уверенность», «духовная близость», «эмпатия» и др.), детально изучить многие факторы и условия, определяющие доверие. Однако прикладная ориентация общественных наук на такой субъективный фактор, как доверие, представляется не вполне обоснованной. Доверие и счастье, которые в последнее время стали использоваться в качестве критериев социального здоровья, подвержены манипуляциям и влиянию многочисленных условий (что, собственно, и было выявлено при углубленном изучении этих феноменов), а потому не могут быть точными индикаторами общественного состояния.

Список литературы

1. Арендт Х. *Vita Activa*, или О деятельной жизни / Х. Арендт; пер. с нем. и англ. В. В. Библихина. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437с.
2. Бенвенист Э. *Словарь индоевропейских социальных терминов* / Э. Бенвенист; пер. с фр. – М.: Прогресс-Универс, 1995. – 456 с.
3. Гегель Г. В. Ф. *Философия права* / Г. В. Ф. Гегель; пер. с нем. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
4. Гидденс Э. *Последствия современности* / Э. Гидденс; пер. с англ. – М.: Праксис, 2011. – 352 с.
5. Доброхотов А. Л. *Данте Алигьери* / А. Л. Доброхотов. – М.: Мысль, 1990. – 208 с.
6. Луман Н. *Социальные системы. Очерк общей теории* / Н. Луман; пер. с нем. – СПб.: Наука, 2007. – 644 с.
7. Оукшот М. *Рационализм в политике и другие статьи* / М. Оукшот; пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 288 с.
8. Парсонс Т. *К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук* // Т. Парсонс / О структуре социального действия. Пер. с англ. – М.: Академический проект, 2000. – С. 415–562.
9. Селигмен А. *Проблема доверия* / А. Селигмен; пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 256 с.
10. Сутор Б. *Политическая этика* // Б. Сутор / Политическая этика и экономическая этика. Пер. с нем. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 368 с.
11. Штомпка П. *Социология. Анализ современного общества* / П. Штомпка; пер. с пол. – М.: Логос, 2006. – 554 с.
12. Luhmann N. *Trust and Power*. – Chichester: John Wiley and Sons Inc., 1979. – 208 p.

Porokhovskaya T. I. Trust as a Moral Phenomenon // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 1. – P. 56–64.

Confidence was traditionally considered by philosophical ethics and theology: the nature of trust, sources and factors of trust, social mechanisms ensuring trust were studied. However, since the late twentieth century, the phenomenon of trust begins to attract the attention of economists, sociologists and managers who approach the study of trust in a different way and more often in isolation from the philosophical and ethical tradition of research into this phenomenon. The notion of trust, the role of trust in various spheres of public life, types of trust, the levels and scope of trust, etc. are specified. But the chief distinction of the modern research of trust is that it is primarily about system trust, the emphasising of which is associated with the name of NiklasLuhmann. If trust at the microlevel is a characteristic of interpersonal relationships, trust at the macro level is a generalized characteristic of more abstract, anonymous relationships. The task of this study is to systematize the main results of research on the phenomenon of trust in social theory (N. Luhmann, A. Seligmen, E. Giddens) and reveal the social and moral grounds for trust.

Key words: faith, trust, confidence, morality, responsibility, institutions.

References

1. Arendt H. Vita Activa, ili o deyatel'noizhizni [Vita Activa, or About Stirring Life], Saint-Petersburgh, Aleteya Publ., 2000, 437 p.
2. Benvenist E. Slovar' Indo-evropeiskih sozial'nuh terminov [Dictionary of Indo-European Social Terms], Moscow, Progress-Univers Publ., 1995, 456 p. Ch. 15. Trust and Faith.
3. Hegel G. W. F. Filosofiya Prava [Philosophy of Laws]. Moscow, Musl Publ., 1990, 524 p.
4. Giddens E. Posledstviya sovremennosti [The Consequences of Modernity]. Moscow, Praxis Publ., 2011, 352 p.
5. Dobrokhotov A. L. Dante Alig'eri [Dante Alighieri]. Moscow, Musl Publ., 1990, 208 p.
6. Luman N. Sozial'nuye Sistemu. Ocherk obshey teorii [Social Systems. Essay on the General Theory]. SPb, Nauka Publ., 2007, 644 p.
7. Oakeshot M. Razionalizm v politike i drugie stat'i [Rationalism in Politics and Other Articles], Moscow, Idea-Press, 2002, 288 p.
8. Parsons T. K obshei teorii deistviya. Teoreticheskie osnovy sozial'nuh nauk [To the General Theory of action. Theoretical Foundations of Social Sciences]. O structure sozial'nogo deystviya [About the Structure of Social Action], Moscow, Academic Project, 2000, 880 p.
9. Seligmen A. Problema doveriya [The Problem of Trust]. Moscow, Idea-Press, 2002, 256 p.
10. Sutor B. Politicheskaya etika. Politicheskaya etika i ekonomicheskaya etika [Political Ethics. Political Ethics and Economic Ethics]. Moscow, FAIR PRESS, 2001, 368 p.
11. Sztompka P. Soziologiya. Analiz sovremennogo obshestva [Sociology. Analysis of Modern Society]. Moscow, Logos, 2006, 554 p.
12. Luhmann N. Trust and Power. Chichester, John Wiley and Sons Inc., 1979, 208 p.